

## ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ ОБРАТИМОСТИ И НЕОБРАТИМОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

(НА МАТЕРИАЛАХ ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА)

*А. Н. Чистозвонов*

В современной марксистской исторической литературе и публицистике при определении итогов какого-либо этапа, периода исторического процесса нередко делается вывод об обратимом или необратимом его характере. Порою такие оценки не подкреплены достаточно серьезной аргументацией и в силу этого весьма декларативны. Иногда историки, наоборот, склонны вообще отрицать самую правомерность использования такой терминологии для оценки характера исторического процесса. К формально-терминологической стороне вопроса мы еще вернемся. Сейчас же важно выяснить: правомерно ли выдвижение такой проблемы вообще? Требуют ли ее постановки, обсуждения, изучения нужды исторического исследования? С точки зрения автора данной статьи, такая проблема в марксистской методике и методологии исторического исследования существует. Поступательное и попятное движения органически присущи всему историческому процессу. Учет и выявление объективных критериев обратимости или необратимости процесса исторического развития на разных его этапах могут стать важным средством для выяснения характера и действия исторических закономерностей. Система таких критериев, если она будет тщательно разработана, поможет избежать субъективных оценок, всякого рода сужения или расширения хронологических рамок того или иного этапа процесса, что еще так часто встречается в исторической литературе.

В общефилософском плане проблема обратимости и необратимости процесса исторического развития связана с основными категориями диалектики, с законами перехода количественных изменений в качественные, единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, определяющими процесс поступательного развития общества, совершающийся не бесконфликтно, а как борьба заложенных в нем противоречий, как эволюция и смена различных социальных категорий. Наконец, проблема обратимости и необратимости исторического процесса тесно связана с общей проблемой историзма и детерминизма, занимающей важнейшее место в теории исторического материализма; она сочленяется и с таким понятием, как время. В новейшей буржуазной, в частности экзистенциалистской, философии эта объективно-историческая категория выступает в извращенном, субъективно-идеалистическом истолковании, как «форма переживания целесообразной деятельности», вследствие чего история выступает как «смена типов переживания исторической реальности»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> См. по этому вопросу П. П. Гайденоко. Проблема времени в онтологии М. Хейдеггера. «Вопросы философии», 1965, № 12, стр. 109, 119—120.

Основоположники марксизма нередко затрагивали эту проблему при формулировании своих выводов. Так, например, К. Маркс подчеркивал, что при всей развитости товарно-денежных отношений в Римской империи они были тем не менее недостаточно интенсивными для того, чтобы дать достаточный простор применению денег как средства платежа. Этим и объяснялся крах попыток императоров взимать все налоги в денежной форме<sup>2</sup>, их возврат к прежним, натуральным формам налогообложения (обратимый тип). В другом случае К. Маркс и Ф. Энгельс, рассматривая судьбы мануфактурного производства в европейских странах в XVIII в., констатировали, что там, где к тому времени мануфактура закрепилась, она уже так срослась с жизненным укладом огромного количества людей, что ни одна страна не осмеливалась «ставить на карту существование мануфактуры разрешением свободной конкуренции» (необратимый тип). Проблема существует в общем аспекте. В. И. Ленин подчеркивал, что «в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад...»<sup>3</sup>. И сейчас важна не констатация факта, что с современного уровня развития общества невозможно возвращение к уровню развития, свойственному первобытнообщинному, рабовладельческому или феодальному обществу и т. п. Проблемой является установление более или менее точно того рубежа, с которого становится невозможным возвращение в той или иной форме к уже пройденному ранее этапу экономического, социального и т. д. развития, а также методика выявления критериев, с помощью которых с достаточной степенью объективности и достоверности можно было бы делать вывод об обратимом или необратимом характере того или иного этапа, процесса или явления в исследуемый период времени. При этом подразумевается, что речь идет о длительных периодах развития магистральных направлений исторического процесса, качественно отличающихся друг от друга, а не о колебаниях конъюнктурного характера, имеющих место внутри этих периодов по второстепенным линиям.

Теперь можно вернуться к формально-терминологической стороне вопроса. Возможно, что термины «обратимый» и «необратимый» применительно к оценке исторических явлений не являются вполне подходящими и со временем будут найдены другие, более точные дефиниции. Тем не менее пока представляется вполне допустимым пользоваться ими при учете того, что обратимость и необратимость понимаются: а) в относительном, а не абсолютном смысле; б) связываются в каждом случае не с абстрактными, а с конкретно-историческими этапами развития или явлениями. То есть в известной мере речь идет о возможности или невозможности попятного движения, доходящего до степени возврата (тоже относительного) к уже пройденному этапу, уровню развития. Но именно потому, что попятное движение может иметь практически бесконечное количество градаций, этот термин еще менее точен, чем термины «обратимый» или «необратимый», которые характеризуют наличие не конъюнктурных, количественных, а структурных, качественных изменений. В то же время обратимый характер процесса не является аналогией или разновидностью движения по спирали, какое диалектический и исторический материализм рассматривают в качестве преобладающей формы развития исторических явлений.

Проблема обратимости и необратимости развития имеет отношение к различным общественно-экономическим формациям, эпохам, периодам. В настоящей статье нет возможности рассмотреть поставленную проблему во всех ее связях и опосредствованиях, но, как нам представляется, следует хотя бы указать на их существование. Задачей настоящей статьи является рассмотрение этой проблемы в ограниченных

<sup>2</sup> См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 151—152.

<sup>3</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 58; В. И. Ленин. ПСС. Т. 26, стр. 142.

рамках и преимущественно на европейском материале, применительно к конкретному комплексу вопросов, связанных с генезисом капитализма.



Процесс генезиса капитализма на европейском континенте начинается, как известно, не в пустом пространстве, не в нейтральной, а в антагонистической среде — в недрах феодальной формации, испытывает на себе влияние ее закономерностей. В этой связи следует оговорить, что феодализму на всем его протяжении, более, чем, например, капитализму, присуща острая борьба тенденций к поступательному и попятному ходу развития, к прогрессу и реакции, иными словами, к обратимому варианту развития<sup>4</sup>.

Известно, например, что в период создания предпосылок для развития капитализма в крупных торговых городах Италии и Нидерландов спорадически возникали раннекапиталистические формы мануфактуры, часто в симбиозе с цеховыми корпорациями. Но, не становясь неотъемлемой частью базиса, они оставались промежуточными или туиковыми формами и позднее в преобладающей своей части, если не полностью, претерпевали обратную эволюцию в разного рода мелкотоварно-средневековые формы производства. Вместе с тем феодализм отличается от капитализма большей «емкостью» в отношении других укладов и повышенной способностью к «сосуществованию» с ними. И поскольку генезис капитализма подготавливается определенными предпосылками на соответствующей фазе эволюции феодализма, тот или иной его тип (обратимый, необратимый, замедленный и т. п.) в более или менее ясно выраженной тенденции закладывается уже на этой подготовительной стадии, собственное развитие которой может приобрести поэтому тот или иной типовой оттенок.

Какие же факторы и в какой сфере жизни общества могут служить основными, определяющими для формирования той или иной тенденции процесса на этапе подготовки предпосылок возникновения капитализма? Очевидно, что такие факторы не могут быть заложены в надстроечных категориях различного рода, поскольку последние сами являются производными, лишь косвенно и опосредствованно отражая процессы, происходящие в сфере материального производства. Периоды наивысшего расцвета духовной культуры и искусства не совпадают ни с высшими точками хозяйственной конъюнктуры внутри одной и той же формации, ни с общим развитием общества. К. Маркс подчеркивал, что определенные периоды расцвета искусства «не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего, составляющей как бы скелет его организации»<sup>5</sup>. Не могут ими служить и различные прогрессивные формы идеологии (как правило, религиозной для всего периода средневековья), поскольку, раз возникнув, они могли перениматься теми или иными группами населения самых различных общественных слоев и служить различным интересам. Одинаковые по форме типы политической надстройки также могли увенчивать собою различные этапы развития общества. Не более достоверной будет как критерий и острота или массовость классово-борьбы. Лишь ее социальное содержание может указывать на характер и направление развития исторического процесса. Однако это уже органически связано с явлениями, происходя-

<sup>4</sup> В капиталистическом обществе борьба этих тенденций также имеет место, но поле их деятельности более сужено, периоды возврата к пройденным этапам — короче, все эти процессы сильнее выражены на периферии, тогда как ведущие страны, отрасли производства выходят из временных кризисов за счет дальнейшей интенсификации производства, техники, технологии, организации сбыта и т. д.

<sup>5</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 12, стр. 736.

щими в сфере базиса, и именно здесь, а также в социальной структуре общества мы можем найти интересующие нас объективные факторы. Последние можно разделить условно на постоянно действующие (общие) и комплексно-исторические. Обе эти группы, в свою очередь, подразделяются на: 1) формационный ряд, отражающий процессы воспроизводства феодального базиса, который в рассматриваемый период вступает в стадию разложения пока еще старого формационного типа, без разрушения его основ, 2) генетический, в котором находят свое выражение процессы формирования предпосылок капитализма, в частности развитие товарного хозяйства.

Постоянно действующие факторы формационного ряда представлены такими категориями, как феодальная собственность на землю, внеэкономическое принуждение, феодальная рента как форма присвоения прибавочного продукта господствующим классом феодалов, поляризация движимости в сфере феодальной земельной собственности, наличие подчиненных этим факторам различных форм натурального или товарного производства и обращения, олицетворявших феодально-зависимым крестьянским хозяйством и феодальным городом, политическая надстройка, обеспечивающая функционирование всех этих компонентов в интересах господствующего класса феодалов. К постоянно действующим факторам генетического ряда можно отнести такие, как уровень развития производительных сил, городской экономики, степень распространения наемного труда, товарного хозяйства. Эти общие факторы оказывают воздействие на характер процесса обоих типов, но позволяют выявлять преимущественно количественные изменения. К комплексно-историческим относятся такие факторы, которые фокусируют в себе основные качественные изменения, определяющие, примет ли на данном этапе развитие процесса обратимый или необратимый характер. Формационный ряд этой группы факторов связан по преимуществу с категориями разложения и внутренней перестройки: это степень деформации сеньориальных отношений и феодальной земельной собственности, их приспособления к охарактеризованным выше явлениям в сфере товарного производства и степень потери феодальной земельной собственностью своей роли главного поляризатора движимой собственности. К генетическому ряду относятся: уровень производительности ремесла (превышающий уровень производительности в сельском хозяйстве) и структурные изменения в ведущих его отраслях, подводящие к возникновению форм ранней капиталистической мануфактуры; ведущая роль товарной формы воспроизводства в крестьянском хозяйстве и перемещение центра поляризации движимой собственности в сферу крестьянского и городского товарного хозяйства; складывание в стране национального рынка как категории товарного хозяйства, в чем резюмируются перечисленные явления. Лишь в совокупности со всеми этими факторами подлежит учету характер политической надстройки, степень политической централизации страны. Возможно, что предложенный перечень факторов недостаточно полон, нуждается в уточнении или расширении. Это покажет последующая разработка вопроса.

Теперь попытаемся сформулировать и критерии обратимости и необратимости для процесса зарождения предпосылок капитализма.

Таковым для установления необратимости процесса развития товарного хозяйства и предпосылок для генезиса капитализма служит наличие всех указанных факторов в их комплексе, превращение их в определяющие категории общей социально-экономической эволюции страны. Это заставляет господствующий класс феодалов и его политическую надстройку пойти по пути приспособления к прогрессивному развитию и использования его в своих интересах в рамках существующего феодального строя, что закрепляется благоприятным для утверждения

дения этих явлений исходом классовой борьбы и конфликтов внутри класса феодалов<sup>6</sup>. Попытка же повернуть вспять такую тенденцию развития сопряжена с разрушительными последствиями для исторических судеб страны. Наличие в стране лишь отдельных из указанных факторов, неблагоприятный для их комплексного развития и закрепления исход классовой борьбы и конфликтов внутри класса феодалов, захват ключевых позиций товарного производства и обмена реакционными слоями господствующего класса приводят к обратимому характеру общего процесса в той или иной стране в различных его модификациях.

Уже на этапе создания предпосылок для возникновения капитализма определились разные по своему типу тенденции развития европейских государств. Вся совокупность обеих групп факторов получила наиболее полное выражение (по степени зрелости) в Англии, Нидерландах, Франции. Хотя между названными странами и были различия, в целом уже на этом этапе развитие товарного хозяйства в них приобрело необратимый характер. Под этим в данном случае подразумевается то обстоятельство, что здесь было покончено с барщинно-поместным строем, возврат к нему в форме второго издания крепостничества стал невозможен, а вся хозяйственная жизнь строилась не в направлении ограничения и вытеснения товарно-хозяйственных отношений, а в плане приспособления к их дальнейшему развитию. По историческим перспективам указанные государства можно отнести к группе стран с поступательным развитием процесса. Факторы генетического ряда приобретали все больший перевес над факторами формационного ряда. Экономический спад XIV—XV вв., изображавшийся зарубежной историографией 50-х годов в качестве «кризиса феодализма»<sup>7</sup>, эти страны преодолели, как показали советские историки<sup>8</sup>, не путем возврата к

<sup>6</sup> Исторический опыт показывает, что рубежи, достигнутые развитыми европейскими странами в XIV—XV вв., закреплялись в ожесточенных классовых битвах. Крупнейшими из них были фландрское восстание 1323—1328 гг., городские восстания XIV—XV вв., «война хлеба и сыра» конца XV в. в Нидерландах; Жакерия и городские восстания во Франции; восстание Уота Тайлера 1381 г. в Англии; восстание под руководством Дольчино и городские восстания в Италии в XIV в. и др. Определяющей чертой многообразных форм классовой борьбы этого периода была их направленность против отдельных проявлений феодальной эксплуатации и произвола, на развитие охарактеризованных выше прогрессивных явлений в пользу непосредственных производителей, а не на уничтожение феодального строя в целом. Несмотря на их поражение, все эти восстания сыграли большую или меньшую роль в закреплении прогрессивного развития общества. Одновременно XIV, а особенно XV в. характеризуются острой борьбой внутри господствующего феодального класса. Основным ее содержанием было определение путей дальнейшего развития: за адаптацию новых прогрессивных явлений в интересах класса феодалов или за пресечение их и возврат к уже пройденным грубым формам феодальной эксплуатации, то есть за торжество феодальной реакции. Таково было объективное содержание «войны за общественное благо» во Франции, войны «Алой и Белой розы» в Англии, борьбы партий «трески» и «крючков» в Нидерландах. Во всех этих странах борьба внутри класса феодалов шла с перевесом в пользу первого пути. В Германии перспективы этой борьбы оставались неопределенными, в Испании она еще не получила четкого выражения, а в Италии аграризация экономики усиливала позиции феодального дворянства, ослабленные процессами XIII—XIV веков. Постановка и разработка этой проблемы является заслугой акад. С. Д. Сказкина (см. С. Д. Сказкин. Исторические условия восстания Дольчино. «Доклады советской делегации на X Международном конгрессе историков в Риме». М. 1956. См. также F. W. N. Hugenholtz. Drie Boerenopstanden uit de veertiende eeuw: Vlaanderen, 1323—1328; Frankrijk, 1358; Engeland, 1381. Onderzoek naar het opstandig bewustzijn. Haarlem. 1949).

<sup>7</sup> «The Transition from Feudalism to Capitalism». A Symposium by Paul M. Sweezy, Maurice Dobb, Н. К. Takahasi, Rodney Hilton, Christopher Hill. L. 1954.

<sup>8</sup> Е. А. Косминский. Были ли XIV и XV века временем упадка феодальной экономики? «Средние века», 1958, вып. X; Ю. А. Корхов. Дискуссии о переходе от феодализма к капитализму. «Средние века», 1959, вып. XV; М. А. Барг. О так называемом «кризисе феодализма» в XIV—XV вв. «Вопросы истории», 1960, № 8; его же. К вопросу о начале разложения феодализма в Западной Европе. «Вопросы истории», 1963, № 3.

уже пройденным этапам или неустойчивой стабилизации на прежней основе, а путем интенсификации и перестройки своего хозяйства на прогрессирующей основе, путем гибкого приспособления к потребностям феодализма тех выгод, которые вытекали из развития товарно-денежного хозяйства. Теперь и некоторые современные историки-экономисты буржуазных стран видят в изучении этих структурных процессов выход из той бесперспективной статичности, на которую обрекают историческое исследование концепция «общего кризиса» феодализма в Европе в XIV—XV вв. и теории цикличности. Для истории Нидерландов такой поиск уже принес определенные положительные результаты<sup>9</sup>. Критически оценивается концепция «кризиса феодализма» в XIV—XV вв. и в некоторых работах обобщающего характера<sup>10</sup>.

Более сложной была картина в других европейских странах. В Германии прогрессивное экономическое развитие также имело место, но единый национальный рынок не сложился (в Англии и Франции он в основном сложился к исходу XV в.); разница в уровнях развития различных областей была очень значительной (особенно между западными и восточными). Не сложилось еще и единое национальное государство. К концу XV в. здесь стали наблюдаться отдельные симптомы феодальной реакции в сфере поземельных отношений. В Испании натурально-хозяйственные отношения оставались господствующими, а политическая централизация не имела прочной экономической основы — национального рынка. Особый характер развитию этой страны придавали условия реконквисты. Прогрессивное в целом развитие покоилось на весьма шатком основании. Очень своеобразно сложилась ситуация в Италии, где шедшее в XIII—XIV вв. быстрыми темпами прогрессивное экономическое развитие, сопровождавшееся возникновением в крупных городских центрах спорадических форм раннекапиталистической мануфактуры, уже в XV в. под влиянием изменившейся внешнеторговой конъюнктуры затормозилось, а потом вступило в полосу спада. Этот спад сопровождался аграризацией экономики и возвращением к более грубым формам эксплуатации<sup>11</sup>, а в городах — свертыванием мануфактур и усилением корпоративных форм ремесла<sup>12</sup>.

Как видно, специфика эволюции в Германии, Испании и Италии была гораздо ярче выражена, чем в первой группе стран, но их объединяло то, что прогрессивное развитие в них опиралось на более слабую базу, не приобрело общегосударственного и устойчивого характера или содержало в себе более или менее ясно выраженную тенденцию к попятному движению. Факторы формационного ряда здесь одерживали верх над генетическими. Тем не менее в ряде развитых итальянских мелких государств развитие товарно-денежного хозяйства приобрело необратимый характер, а крепостничество не торжествовало своего «второго пришествия». На данном этапе это были еще только тенденции, которые могли быть закреплены, заторможены или устранены последующим развитием. Важное место в решении этого вопроса принадлежало процессу первоначального накопления, осуществлявшемуся некапита-

<sup>9</sup> R. van Uytven. *La Flandre et le Brabant, «terres de promission» sous les ducs de Bourgogne?* «Revue du Nord», 1961, № 172; H. Van Der Wee. *Conjunctuur en economische groei in de Zuidelijke Nederlanden tijdens de 14-e, 15-e en 16-e eeuw.* «Mededelingen van de Koninklijke Vlaamse Academie voor Wetenschappen». Letteren en Schone Kunsten van België, Kl. de Letteren. 1965, № 8.

<sup>10</sup> F. R. P a s a r t. *The Process of Historical Revision.* Northampton. 1962.

<sup>11</sup> Характеризуя эти процессы, К. Маркс писал: «После того как революция мирового рынка с конца XV столетия уничтожила торговое преобладание Северной Италии, началось движение в обратном направлении. Рабочие массами вытеснялись из городов в деревню и там положили начало неслыханному расцвету мелкой земледельческой культуры, организованной по типу садоводства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 728).

<sup>12</sup> См. S. Di M a j o. *Rinascimento e declino economico dell' Italia secondo Armando Sapori e Roberto Lopez.* «Economia e storia», 1967, № 3, pp. 352—358.

листическими, преимущественно насильственными методами, но уже переплетавшемуся с процессом развития капитализма как такового, а в той своей части, которая сводилась, по выражению К. Маркса, к «простой смене формы»<sup>13</sup>, и входившему в него в качестве органической составной части.

Процесс первоначального накопления в зависимости от общего направления развития той или иной страны мог приобрести бурный, революционный характер, беспощадно сокрушающий системы феодальных институтов и отношений собственности, или затяжной, половинчатый, компромиссный, затрагивающий лишь отдельные сферы, и т. п. В соответствии с этим в той или иной стране усиливалась или затухала тенденция к складыванию необратимого типа генезиса капитализма. К числу основных факторов, определяющих революционный характер процесса первоначального накопления, представляется возможным отнести следующие: степень экспроприации крестьянства в ходе аграрной революции; максимальный удельный вес «простой смены формы» в процессе первоначального накопления (минимальный разрыв между процессами экспроприации и поглощения экспроприированных капиталистическими формами хозяйства); комплексность, эффективность арсенала средств первоначального накопления в масштабах всей страны; обеспечение развития процесса первоначального накопления государственной властью и юридическое его закрепление в законодательстве страны. Лишь такой тип первоначального накопления усиливает ранее существовавшую в той или иной стране тенденцию к формированию необратимого типа генезиса капитализма. Некомплексные же и замедленные формы процесса первоначального накопления могли оставаться и нейтральными в этом аспекте, хотя они и помогали возникновению капиталистических форм производства. В таких странах разрыв между первоначальным накоплением и складыванием капиталистического производства в форме уклада мог оказаться растянутым на столетия. Тем более это относится к странам с наметившимися тенденциями к аграризации и феодальной реакции, в условиях которых действие закономерностей, присущих процессу первоначального накопления, ограничивалось, сковывалось или приобретало различные степени деформации. Первый тип процесса первоначального накопления в его полностью завершенной форме отмечен лишь в Англии; в других европейских странах имели место либо ослабленные модификации его, либо нейтральные и деформированные типы.

Для периода подготовки предпосылок капитализма в европейских странах и первого периода его генезиса (мануфактурная стадия, XVI—XVIII вв.) необходимо подчеркнуть ту его важную особенность, что процессы эти протекали в форме чистого, спонтанного развития, то есть не испытывали никакого внешнего воздействия со стороны более высокоразвитых стран или экономических категорий (и вообще здесь вся эта проблема рассматривается без учета возможного деформирующего влияния внешних, в частности военных, факторов — завоевание и т. п.).

Процесс генезиса капитализма в собственном смысле слова как возникновение и развитие капиталистических форм производства в сферах промышленности, сельского хозяйства, распределения и обмена затрагивает гораздо более широкий круг проблем и вопросов, чем две уже рассмотренные фазы, создающие условия для его появления. При этом процесс первоначального накопления вычленяется из процесса генезиса капитализма лишь логически, тогда как исторически оба протекают либо параллельно и взаимно переплетаясь, либо сочетаясь в различных вариантах.

<sup>13</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 770.

С началом генезиса капитализма значительно усложняется вся картина процесса. На первый план выступает генетический ряд факторов, который уже не уместится в рамках феодальной формации, а прорывает их, порождая во все большем объеме капиталистические формы производства и обмена. Вся система феодальных отношений разлагается в своих основах. Формационный ряд факторов, целью которого было воспроизводство феодальных отношений, испытывает в этих условиях давление со стороны трансформационного ряда, отражающего эволюцию феодальных категорий в категории буржуазные, промежуточные или переходные к ним (в условиях уже нарождающегося капитализма). Соответственно расширяется и усложняется арсенал факторов обоих ведущих рядов. К числу постоянно действующих факторов (количественных) генетического ряда в дополнение к ранее упоминавшимся можно добавить такие, как рост масштабов производства и обмена, расширение на этой основе применения капиталистического найма; развитие капиталистических форм распределения (заработная плата, прибыль, земельная рента) и т. д. К факторам трансформационного ряда можно отнести такие, как динамика, глубина и масштабы процесса разложения сеньориальных отношений и феодальной собственности; динамика разложения и гибели феодально-корпоративных форм ремесла и торговли и т. п.

Комплексно-исторические факторы генетического ряда, определяющие необратимый характер генезиса капитализма (на первом этапе), состоят из следующих: прогрессивно возрастающий удельный вес реального подчинения труда капиталу по отношению к формальному и превращение капиталистических форм производства и обмена в категории, неразрывно сросшиеся с жизненным укладом больших масс населения; превращение внутреннего рынка из категории простого товарного в категорию капиталистического хозяйства, в составную часть мирового рынка и господствующее положение на нем страны (группы стран); формирование классов современной буржуазии и пролетариата в национальном масштабе.

Для трансформационного ряда к таким факторам следует отнести: преобладание категорий трансформационного процесса над факторами формационно-воспроизводящего ряда; определяющее значение процессов социального разложения трансформационного типа (разложение феодального дворянства, средневекового бюргерства, феодального крестьянства с перспективой его превращения в крестьянство грядущего капиталистического общества — аграриев разного типа).

Для того, чтобы процесс генезиса капитализма принял необратимый характер, все указанные факторы должны наличествовать в их комплексе и стать структурными<sup>14</sup>, определяющими категориями процесса развития той или иной страны. С учетом изложенных положений критерий необратимости процесса генезиса капитализма для первого периода можно сформулировать так: процесс генезиса капитализма принимает необратимый характер, когда факторы генетического и трансформационного рядов настолько подчиняют себе факторы формационно-воспроизводящего ряда, что не позволяют господствующему классу феодалов и его политической надстройке (абсолютизму) поставить под вопрос возможность существования первых и выводят развитие социально-экономического процесса из-под их регулирующего контроля. Попытки же восстановить такой контроль путем систематического изъятия внеэкономическими мерами всего прибавочного капитала (что находит свое выражение в политике абсолютизма на нисходящей стадии его развития) приводит к общенациональному кризису, к ранней буржуазной революции. Успешный исход последней — наиболее достоверный кри-

<sup>14</sup> Структурными в том смысле, что они составляют неотъемлемую часть базиса.

терий необратимости процесса генезиса капитализма в данной стране. Такой вариант развития в первом периоде генезиса капитализма объективен, заложен с необходимостью. Независимо от воли господствующего класса и государства он с неизбежностью, стихийно прокладывает себе путь там, где для этого сложились исторические условия. Вариант мирного, эволюционного решения вопроса путем реформ и т. п. на этом этапе исключен. Поэтому концепции «вредности» ранних буржуазных революций<sup>15</sup>, возможности избежать их возникновения, «гуманного» решения конфликта, которые постулируются некоторыми направлениями современной буржуазной историографии, антиисторичны и лишены научной основы.

Но необратимый тип процесса генезиса капитализма на первом этапе не был общеобязательным. Наоборот, в целом ряде стран он был замедлен или повернут вспять, и развитие их пошло по обратимому типу. Критерий обратимости процесса генезиса капитализма можно сформулировать так: процесс генезиса капитализма может принять и принимает обратимый характер в тех случаях, когда в стране имеются в наличии лишь некоторые из комплексных факторов генетического трансформационного рядов, когда они оказываются в подчинении у факторов формационно-воспроизводящего ряда, охватывают лишь некоторые центры (области, отрасли), а господствующий класс феодалов и политическая надстройка феодального общества сохраняют до поры до времени способность регулировать развитие процесса в целях сохранения феодального базиса, преодолевать или подавлять социально-экономические конфликты.

Как и в предыдущих случаях, эти критерии приложимы лишь для спонтанного развития процесса генезиса капитализма. Исторический же опыт мануфактурного периода говорит о том, что революционный взрыв мог быть замедлен или ускорен влиянием внешних военно-политических факторов — гнетом иноземного политического или церковного деспотизма, иноземным завоеванием. Что касается последнего, то, например, османское завоевание наложило свой отпечаток на судьбы ряда стран Центральной, Восточной и Южной Европы, задержав в них на века не только возникновение капиталистических отношений, но сильно деформировав и обратив вспять даже развитие простого товарного хозяйства. Первый же и второй оказали заметное влияние на время начала и характер двух ранних буржуазных революций — Реформации и Великой крестьянской войны в Германии и нидерландской буржуазной революции XVI века. Обе революции начались до того, как спонтанный ход процесса генезиса капитализма в этих странах принял необратимый характер, хотя Нидерланды и продвинулись значительно дальше Германии по этому пути. Итогом была совершенно своеобразная расстановка классовых сил, характер революций и их итоги.

В Германии рыцарское восстание 1522 г. пыталось лишь на иной манер решать те задачи, которые в Англии и Нидерландах были решены в ходе войны «Алой и Белой розы» и в борьбе «крючков» и «трески», а Реформация и Крестьянская война в числе своих целей ставили политическую централизацию страны<sup>16</sup>. Иными словами, ранняя по своим объективным тенденциям буржуазная революция в Германии в лице ее демократического крыла должна была решать еще те задачи, которые Англия и Франция (в основном) решили уже в XV веке. Именно незрелость и объективного и субъективного факторов обрекла раннюю буржуазную революцию в Германии на поражение. В Нидерландах

<sup>15</sup> Критика этих буржуазных концепций дана в работе Г. Ш. Кигурадзе. Проблема армии в период Великой французской буржуазной революции (1789—1794 гг.). Автореферат докторской диссертации. Тбилиси. 1967, стр. 4.

<sup>16</sup> М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М. 1955, стр. 10.

на первый план выдвигалось свержение испанского деспотизма, вознамерившегося повернуть вспять ход событий в этой маленькой стране, вставшей на путь капиталистического развития. И здесь недостаточная зрелость факторов генетического и трансформационного рядов (хотя и гораздо меньшая, чем в Германии) сильно осложнила решение задач и освободительной войны и буржуазной по своим объективным тенденциям революции, что привело к победе ее лишь в северной части страны, к компромиссному решению ряда основных задач буржуазной революции (аграрный вопрос, государственное устройство и т. п.). Преобладающее значение торгового капитала, формального подчинения труда капиталу, а соответственно и консервирующего пути развития капитализма имело своим итогом поражение республики Соединенных провинций в борьбе с Англией, последующий хозяйственный застой, который сопровождался укреплением позиций цехового, корпоративного строя. Последний был ликвидирован лишь после французского завоевания, в ходе острой социально-политической борьбы в республике<sup>17</sup>. Как разновидность «ускоренной» ранней буржуазной революции (колониального типа) можно рассматривать войну за независимость североамериканских колоний конца XVIII века. Незрелость ее оказалась в ряде аспектов, из которых наиболее показательным было сохранение рабства в южных штатах, ликвидированного лишь в ходе войны между Севером и Югом почти век спустя. Указание на половинчатый характер не означает, однако, какого-либо пренебрежительного отношения к таким «ускоренным» революциям, а имеет целью лишь выявить причину их неудач или ограниченности осуществленных ими преобразований, их исторического значения.

Как спонтанные, то есть развивавшиеся без фактора внешнего «ускорения» или затяжки, можно рассматривать ранние буржуазные революции в Англии и Франции. В последней процесс генезиса капитализма развивался как необратимый, но более замедленный по сравнению с Нидерландами и Англией<sup>18</sup>. Здесь революционные перевороты произошли как реакция созданных капиталистическим развитием прогрессивных социальных сил на попытки вступивших на нисходящую стадию абсолютистских режимов повернуть вспять это развитие, приобрести необратимый характер. Но и они испытали на себе влияние внешнего фактора, хотя и в иной форме — феодальные реакционные режимы других европейских стран в союзе с молодыми буржуазными государствами (республика Соединенных провинций в первом случае, Англия — во втором) активно, в том числе и военными средствами, оказывали помощь свергнутым в Англии и Франции абсолютистским режимам.

Наоборот, испанский абсолютизм в его своеобразной форме оказался достаточно сильным, чтобы подавить относительно слабые ростки капитализма<sup>19</sup> и еще несколько веков продержат испанский народ в феодальной кабале (обратимый вариант). Все ускорявшееся попятное движение одержало верх и в Италии, оставшейся политически раздробленной, отданной в руки иноземных завоевателей, экономически и социально деградирующей областью Юго-Западной Европы (разновидность обратимого варианта). Для Германии (после поражения Крестьянской войны) и ряда стран Восточной Европы (на стадии развития товарного хозяйства) победа феодальной реакции обернулась воз-

<sup>17</sup> W. K. J. J. van Ommen Kloeke. De vrijheid van Beroep en Bedrijf. Groningen. 1946, blz. 53—65; M. G. de Boer. De ondergang der Amsterdamsche gilden. «Tijdschrift voor Geschiedenis», 1932, blz. 129—149, 225—245.

<sup>18</sup> А. Д. Люблинская. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.-Л. 1965, стр. 3.

<sup>19</sup> Э. Э. Литаврина. Проблема экономического упадка Испании в XVI — начале XVII вв. по сочинениям испанских экономистов. Автореферат кандидатской диссертации. М. 1964.

вратом к наиболее грубым формам феодальной эксплуатации — второму изданию крепостничества<sup>20</sup>, и процесс генезиса капитализма в них стал снова развиваться уже на базе разложения этих позднекрепостнических отношений (вторая половина XVIII — первая половина XIX века). Общее понятие обратимости процесса генезиса капитализма исходит из определяющей черты хода этого процесса в целом. Поэтому оно не только не исключает, но предполагает разную степень его интенсивности, вплоть до сохранения в той или иной стране элементов капиталистических отношений. Определить степень и интенсивность обратимости процесса для каждой отдельной страны является уже задачей конкретного исследования. Попытка же разработать такую систему критериев, которая давала бы автоматически готовый ответ и на вопросы о степени интенсивности, конкретных формах обратимости для любой исторической ситуации и т. п., была бы ненаучной, равносильной поискам некоего «философского камня». Напомним при этом снова, что речь идет в данном случае об обратимости процесса лишь в относительном смысле, для данного, первого его этапа, а не в абсолютном смысле слова, о полном пресечении капиталистического развития в данной стране на все последующие времена.

Важной особенностью первого периода генезиса капитализма было то, что проблема обратимости и необратимости для него выступала в локальной модификации, хотя возникновение мирового рынка и привнесило в процесс известный синтезирующий, глобальный элемент. Возникновение системы буржуазных государств, промышленный переворот, создавший адекватную материально-техническую базу для капитализма, вступление последнего во вторую, фабричную стадию, знаменовали собою важное качественное изменение. Отныне процесс генезиса капитализма становился необратимым в континентальном масштабе и определяющим — в мировом. Поэтому в Европе после наполеоновских войн проблема обратимого и необратимого типа генезиса капитализма как в общекоонтинентальном разрезе, так и для той или иной отдельной страны практически уже теряла свое значение. Можно говорить теперь лишь о динамике и формах его генезиса в тех странах, где еще более или менее прочно господствовали отживавшие свой век феодально-монархические режимы<sup>21</sup>. Поэтому при рассмотрении второго периода (фабричной стадии) здесь будет освещена только проблема качественного своеобразия процессов первоначального накопления и генезиса капитализма в странах с феодальной структурой, но уже в условиях сосуществования с развитыми капиталистическими государствами, находящимися на фабричной стадии. Эти процессы в новых условиях претерпевали существенную деформацию, степень которой была прямо пропорциональна длительности того хронологического разрыва, с каким та или иная страна превращалась в арену их действия.

Глобальность процесса генезиса и развития капитализма на втором этапе имела своим следствием большое усложнение взаимодействия процессов разных рядов (общественно-экономических формаций и укладов), изменялся и характер этих рядов. Генетический ряд в развитых капиталистических странах превращался в новый формационный ряд (капиталистическая формация), а в своем первоначальном значении, в разных конкретно-исторических модификациях (капиталистический уклад) выступал в странах с феодальной, полукOLONИАЛЬНОЙ, колониальной и т. п. структурой, вставших на путь буржуазного развития. Специфический характер в этих условиях стало приобретать

<sup>20</sup> По этому вопросу см. С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2.

<sup>21</sup> Особо стоит этот вопрос для тех областей Европы, которые еще оставались под османским игом.

международное разделение труда (в тенденции намечавшееся уже в рамках первого периода), регулятором которого все больше становился мировой рынок. Группа господствующих промышленно развитых стран постепенно низводила отстававшие в своем развитии страны на положение своих аграрно-сырьевых придатков, полукolonий и колоний. При этом капитализм часто консервировал и воспроизводил главным образом на «своей периферии» докапиталистические формы производства (феодалные, рабовладельческие, патриархальные и т. п.), деформирующее влияние чего на процесс генезиса капитализма в странах — объектах такой политики очевидно. Деформирующее влияние в этом плане оказывал и ряд других факторов, из которых в числе главных можно отметить следующие: прямой или почти прямой переход к фабричной стадии, в той или иной степени минуя мануфактурный период, когда мануфактура чаще выступала не представительницей особого периода, а в качестве побочной категории, воспроизводимой фабрикой и дополняющей ее в плане международного или внутрисударственного разделения труда; обесценение в связи с этим, а то и прямое уничтожение значительной части экспроприированных у непосредственных производителей средств производства вследствие их непригодности для машинной промышленности (а позднее и механизмирующегося сельского хозяйства); затрудненность или невозможность для этих стран использования таких рычагов первоначального накопления, как протекционизм, колониальная экспансия и т. п.; ориентированность их государственного долга и кредита в сферу внешних займов и т. д.; большая продуктивность сельского хозяйства по сравнению с промышленностью, достигнутая в это время в развитых странах<sup>22</sup>, что ставило в особо тяжелое положение крестьянство отсталых, аграрных стран; верхушечные, компромиссные аграрные реформы как один из основных рычагов первоначального накопления; возрастание в этих условиях удельного веса «простой смены формы»<sup>23</sup>, которая представляется одновременно и итоговой фазой специфических форм первоначального накопления в странах такого типа.

В этих в корне изменившихся исторических условиях жизненно важное значение приобретает уже не проблема обратимости и необратимости, а вопрос о динамике и формах капиталистического развития. Вышедшая на международную арену победоносная буржуазия, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, под страхом гибели заставляет «все нации принять буржуазный способ производства...»<sup>24</sup>. И совершается это в условиях все большего возрастания регулирующей роли государства в сфере хозяйственного развития. Может меняться поэтому соотношение экономических и политических факторов, заметно возрастает роль политической надстройки в регулировании направления экономического развития: используя налоговую, таможенную, банковскую системы, феодальная политическая надстройка может брать и берет на себя роль кредитора тех или иных отраслей хозяйства, проводит сверху аграрные и другие реформы (иногда даже вопреки воле большинства господствующего класса), «спускает на тормозах» стихийный процесс генезиса капитализма и разложения феодального строя. Отсюда господство феодально-милитаристского и монархическо-бюрократического начала в политической структуре таких государств. Иной характер приобретают в них дворянство и буржуазия; первое в некоторых слу-

<sup>22</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26, ч. II, стр. 115.

<sup>23</sup> См. В. И. Ленин. ПСС. Т. I, стр. 473; «Разрушение крепостного права вовсе не было «освобождением» производителя; оно означало только *перемену формы прибавочного продукта*. Если где-нибудь в Англии падение крепостного права создало действительно самостоятельных и свободных крестьян, то наша реформа сразу совершила переход от «позорного» крепостного прибавочного продукта к «свободной» буржуазной сверхстоимости».

<sup>24</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 428.

чаях само выступает инициатором буржуазных преобразований, вторая перед лицом складывающегося фабричного пролетариата теряет революционность, свойственную ей в первом периоде (мануфактурная стадия XVI—XVIII вв.), проявляет склонность решать возникающие проблемы путем компромиссных реформ и т. д. В этих условиях и сама политическая надстройка постепенно эволюционирует от абсолютной монархии к монархии конституционно-буржуазной. Лишь эти и им подобные исторические условия создают возможность не революционного, а эволюционного пути развития капитализма во втором периоде. Буржуазные революции этого периода по своим закономерностям иные, чем ранние буржуазные революции XVI—XVIII вв., иную роль играют в них и буржуазия и развивающийся пролетариат. Буржуазные революции XIX—XX вв. в европейских странах теряют свое значение наиболее достоверного критерия необратимого характера процесса генезиса капитализма в той или иной стране, поскольку исчезает сама эта проблема. Все эти моменты нашли свое отражение в развитии процесса генезиса капитализма в таких странах, как Пруссия, Россия, Япония и другие.

Третий период проходит под знаком перехода мировой капиталистической системы в последнюю стадию ее развития — империализм. Здесь представляется возможным наметить лишь в самом общем виде проблемы генезиса капитализма на этом этапе. В плане нашей постановки вопроса особо важное значение имеют такие признаки империализма, как вывоз капитала, борьба империалистических держав за гегемонию и передел уже поделенного мира. В рамках этого периода процессы генезиса капитализма перемещаются в основном в колониальные и зависимые страны, чему способствуют, в частности, все возрастающие масштабы вывоза капитала. Особое значение имеет скачкообразность развития государств в период империализма, ослабление отдельных его звеньев, что, как доказал В. И. Ленин, создает реальную перспективу победы социалистической революции первоначально в нескольких странах или даже в одной, отдельно взятой стране — возможность, превращенную в действительность в России победой Великой Октябрьской социалистической революции. Вступление мировой системы империализма в стадию общего кризиса, распад колониальной системы, возникновение мировой системы социализма, развивающейся по присущим лишь ей не стихийным, а сознательно реализуемым закономерностям, внесли глубочайшие качественные изменения в ту обстановку, в которой проходил процесс генезиса капитализма в колониальных и зависимых странах, добившихся или еще не добившихся политической самостоятельности.

Теперь наряду с группами (рядами) факторов, олицетворяющих социально-экономическую структуру империалистических, а также развивающихся стран, действуют и факторы, олицетворяющие закономерности развития мировой социалистической системы. В этих условиях и процесс первоначального накопления и процесс генезиса капитализма в развивающихся странах претерпевают еще большую деформацию, чем во втором периоде. К факторам деформирующего характера, свойственным третьему периоду, добавляются новые, из которых наиболее существенное значение имеют следующие: наличие в социально-экономической структуре развивающихся государств еще более архаических форм, чем феодальные (родоплеменные, патриархальные, рабовладельческие); искусственно сформированная колонизаторами несбалансированная экономика (монокультурность, гиперфункция туризма и т. д.) и привязанность ее к метрополиям; экономическая эксплуатация этих стран в неокOLONIAЛИСТИЧЕСКИХ формах и после завоевания ими государственно-политической самостоятельности; особая острота проблемы квалифицированных технических и административных кадров в сочетании

с огромным возрастанием (по сравнению с первым и вторым периодами) размеров капиталовложений в целом и на каждое рабочее место в частности; вытекающая из этого особая сложность социально-классовых конфликтов.

Результатом влияния комплекса этих и других факторов является слабая политико-экономическая обеспеченность развития капитализма, особенная его мучительность и социальная бесперспективность в странах такого типа при наличии мировой социалистической системы. В этих странах возможны случаи возврата их на то или иное время к уже пройденным этапам. Однако в общеисторическом аспекте это уже представляется проблемой второго, а то и третьего плана. На первый же выдвигается проблема обратимости как альтернативы некапиталистического развития таких государств.

В этом последнем периоде, как и во втором, охарактеризованный комплекс объективных социально-экономических процессов продолжает оказывать свое определяющее воздействие, но роль политической надстройки развивающихся стран в регулировании процесса экономического развития возрастает даже еще больше, чем во втором периоде. Развиваются такие явления, как государственный капитализм (этатизм). Увеличивается роль субъективного фактора, то есть сознательного воздействия народных масс и политической надстройки на выбор дальнейшего пути развития страны, особенно если это касается выбора некапиталистического пути, поскольку внутренних объективных условий (соответствующей зрелости социально-экономических институтов) в таких странах обычно недостаточно, а путь стихийного развития при наличии все еще сильной и агрессивной империалистической системы малоперспективен.

В рассматриваемой исторической ситуации мы уже соприкасаемся с разработанными В. И. Лениным положениями, гласящими, что «политика есть концентрированное выражение экономики», что «политика не может не иметь первенства над экономикой», а говорить иначе означает «забывать азбуку марксизма»<sup>25</sup>.

Выработка критерия обратимости капиталистического развития в форме альтернативы развития таких государств по некапиталистическому пути — дело специалистов. Пока в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что в число важнейших компонентов этого критерия будут включены глубина и прочность демократических преобразований во всех областях жизни таких государств, последовательная антиимпериалистическая направленность их политики и их незыблемый союз с мировой социалистической системой. Как видно, не абстрактная логика мышления, а сама логика фактов связывает воедино в рамках третьего периода три тенденции: генезис капитализма, распад колониальной системы империализма и некапиталистический путь развития бывших колониальных и зависимых стран, добившихся (или еще не добившихся) политической независимости. При большой пестроте уровней развития таких стран актуальной задачей исследования становится также выработка четких, научно обоснованных критериев для стран, где процесс развития капитализма уже принял необратимый характер; где имеет место ситуация, допускающая возможность развития как по капиталистическому, так и по некапиталистическому пути; где совокупность факторов и условий создает перевес в пользу развития по социалистическому пути. Такова общая предположительная и потому, конечно, схематическая и предварительная постановка проблемы обратимости и необратимости исторического процесса применительно к проблеме генезиса капитализма.

<sup>25</sup> В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 278.